

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ: РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Научная статья

УДК 330.341

doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-160-170

Гуманитарный фундамент человеческого капитала: теоретические прозрения и региональная экспликация

Мария Алексеевна Маниковская

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

mary.manikovskaya@gmail.com

Аннотация. *Плодотворное крепнущее развитие Дальнего Востока призвано обеспечить реализующиеся в настоящее время национальные проекты Российской Федерации, одним из которых является проект «Культура». Принципиально важен его акцент — укрепление гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей. Поскольку ключевым ресурсом достижения национальных целей и решения стратегических задач является человеческий капитал, неслучайно этот феномен оказывается в фокусе исследовательского внимания теоретиков и экспертов. Понятие «человеческий капитал», инициированное американскими учеными в середине XX столетия для решения актуальных экономических проблем, не только положило начало новому направлению мировой экономической мысли, но и спровоцировало полемику со стороны гуманитариев относительно корректности использования данного словосочетания в качестве концепта в антропологической перспективе. Они усмотрели в нем утрату ориентира на гармоническую целостность универсально осуществляющего себя человека. Анализ эпистемологического поля, образованного проблематикой рассматриваемого феномена, показал, что разработчики теории человеческого капитала не претендовали на создание новой антропологии, фундированной экономическими знаниями и формируемыми ими компетенциями. Вместе с тем критическая позиция гуманитариев небезосновательна, ибо ее сторонники полагали, что понятие «человеческий капитал» несет в себе риски, чреватые деформацией человеческой идентичности вследствие абсолютизации экономического детерминизма, акцентирования не столько рациональности, сколько прагматической расчетливости. Гуманитариям претило утверждение, обусловленное финансовыми инвестициями в образование, что знания, приобретаемые в его процессе, превращают человека не в носителя культурных ценностей, а в средство производства, подлежащее амортизации и, следовательно, замене. Мы полагаем, что нивелировать отмеченные риски возможно, признав в качестве фундамента человеческого капитала гуманитаристику. Входящие в состав ее содержания гуманитарное знание, философия, искусство нацелены на формирование и упрочение полноты и гармонической целостности человеческого бытия.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, экономический редукционизм, риски человеческой идентичности, гуманитаристика, дальневосточное искусство, социокультурная политика на Дальнем Востоке*

Благодарность: исследование проведено по итогам работы регионального экспертного круглого стола, состоявшегося 2 июня 2022 года в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС по теме: «Человеческий капитал: проблемы инвестиций в развитие»

Для цитирования: Маниковская М. А. Гуманитарный фундамент человеческого капитала: теоретические прозрения и региональная экспликация // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 160–170. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-160-170>

Humanitarian foundation of human capital: theoretical insights and regional explication

Mariya A. Manikovskaya

The Pacific National University, Khabarovsk, Russia
mary.manikovskaya@gmail.com

Abstract. *Stable, growing development of the Far East is designed to ensure the national projects of the Russian Federation currently being implemented, one of which is «Culture». Its emphasis on strengthening civic identity on the basis of spiritual, moral and cultural values is fundamentally important. Since the key resource for achieving national goals and solving strategic tasks is human capital, it is no coincidence that this phenomenon is in the focus of the research attention of theorists and experts. The concept of «human capital», initiated by American scientists in the middle of the 20th century to solve the urgent economic problems, not only started a new direction in the world economic thought, but also provoked a controversy on the part of humanitarians regarding the correctness of using this phrase as a concept in an anthropological perspective. They saw in this phrase a loss of orientation towards the harmonic integrity of the universally self-fulfilling man. An analysis of the epistemological field formed by the problems of the phenomenon under study showed that the human capital theory developers did not claim to create a new anthropology based on economic knowledge and the competencies formed by it. At the same time, the critical position of the humanitarians is not groundless, as its supporters believed that the concept of «human capital» contains risks fraught with the human identity deformation due to the absolutization of economic determinism, emphasizing pragmatic prudence and not so much rationality. Humanitarians hated the assertion, driven by financial investments in the education, that the knowledge acquired in its process does not turn a person into a bearer of cultural values, but into a means of production, subject to depreciation and, therefore, replacement. We believe that it is possible to neutralize the noted risks by recognizing the humanities as the foundation of human capital. The humanitarian knowledge, philosophy, and art included in its content are aimed at the formation and strengthening of the completeness and harmonious integrity of human existence.*

Keywords: *human capital, economic reductionism, human identity risks, humanities, the Far-Eastern art, socio-cultural policy in the Far East*

Acknowledgments: *the study was conducted following the results of the regional expert round table work on the topic: “Human capital: development investment problems”, which took place on June 2, 2022 at the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*

For citation: Manikovskaya M. A. Humanitarian foundation of human capital: theoretical insights and regional explication // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 160–170. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-160-170>

Введение

Приоритетное всестороннее развитие Дальнего Востока, обстоятельно обоснованное в настоящее время, нашло отражение в национальных проектах развития Российской Федерации. Одним из значимых, акцентированный на сильное региональное измерение, является национальный проект «Культура», рассчитанный на 2019–2024 гг., и скорректированный в соответствии с указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Безусловно, реализация этого проекта, нацеленного на укрепление гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей, возможна и благодаря имеющемуся потенциалу, и намерениям людей его умножать и обогащать, актуализируя гуманитарные ресурсы, которыми богат Дальний Восток. Этот кладезь является мощным фундаментом человеческого капитала. Сегодня дальневосточная социокультурная политика сориентирована на создание условий для эффективного творческого развития жителей региона. Вследствие данного обстоятельства оправдано, что концепт «человеческий капитал» является предметом исследовательского внимания и прозрения теоретиков и экспертов разных научных сфер.

Основные результаты исследования

Более чем полувековое, сопровождающееся полемикой существование понятия «человеческий капитал», провоцирует далеко не праздное намерение предпринять экскурс в историю данного феномена и удостовериться в правомочности его плодотворности в антропологической перспективе. Рассматриваемое понятие, как известно, было введено американскими учеными Т. Шульцем и Г. Беккером, которое бы обеспечивало реальную возможность экономического роста в динамично трансформирующемся современном мире. Образованное ими понятие послужило началом разработки теории человеческого капитала как зарубежными, так и отечественными исследователями. Основоположники этого начинания полагали, что базовым ресурсом успешного экономического развития

становятся навыки, компетенции, сформированные в процессе образования. Проведя углубленный теоретический и эмпирический анализ, Т. Шульц и Г. Беккер в статьях с одинаковым названием «Инвестиции в человеческий капитал», написанные с небольшим временным интервалом (1960, 1961), пришли к обоснованному выводу, что финансовый капитал, вложенный именно в сферу образования, превращается в человеческий. Финансовые инвестиции оборачиваются развитым интеллектом, такой культурой человека, которая обогащает не только его самого, но и все общество. Теория человеческого капитала ознаменовала самостоятельное течение мировой экономической мысли в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Однако в научном сообществе не случилось единодушного признания предложенного варианта концепции человеческого капитала. Прежде всего обнаружилось сохраняющееся и до сих пор сопротивление со стороны гуманитариев, увидевших риск утраты возможности воплощения многовекового гуманизирующего идеала, ориентированного на полноту и гармоническую целостность человека [Мозговых, 2018]. Возникло сомнение относительно правомерности самого словосочетания «человеческий капитал», образованного разнопорядковыми понятиями, принадлежащими несовместимым научным областям, и нацеленного на значимость категории в эпистемологическом поле современной философской антропологии. В этом словосочетании усматривался и риск экономического детерминизма, смещавшего акцент в сторону формирования таких навыков и компетенций, которые в первую очередь необходимы для получения экономической прибыли.

Действительно, у гуманитариев были основания для тревоги, поскольку нередко в представленных экспликациях категории «человеческий капитал» явно доминировал именно экономический критерий, или в схематике аргументации М. Вебера – модель инструментальной рациональности. По убеждению немецкого теоретика, в западном обществе сложилось два типа рациональности:

инструментальная, по своему характеру нацеленная на успех, и ценностная, подчиненная морали. Поборники человеческого капитала видели в нем определяющий масштаб и меру прибыли в экономической деятельности. Оппоненты же полагали, что абсолютизация инструментальной рациональности человеческого капитала парадоксальным образом как раз и отрицала человекомерность экономического развития.

Однако, признавая небезосновательную настороженность гуманитариев, нельзя не учитывать аргументы основоположников теории человеческого капитала, которые, как это ни парадоксально, разделяют позицию своих оппонентов. Так, Т. Шульц полагал, что понятие человеческого капитала должно способствовать более широкому пониманию человека, благодаря отличию от традиционной трактовки самого капитала. Его, как целое, необходимо разделить на две части: одна представляет ресурс навыков и компетенций, обеспечивающих материальное богатство, а другая — знания, благодаря которым только и возможно приобрести, сформулировать и развить плодотворные способности. Именно эти знания Т. Шульц называет *капиталом человеческим*, в отличие от нечеловеческого [Schultz, 1961]. Принципиально важно, что уже в своей первой публикации «Высшее образование и его роль в экономическом развитии» (1958), свидетельствующей о новаторской разработке, он радикализирует значение высшего образования и его продуктивное следствие — знания, которые и образуют человеческий капитал [Поздняков, 2012].

Осмысливая противоречивую ситуацию, спровоцированную рассматриваемым концептом «человеческий капитал», нужно учитывать, что не все гуманитарии отрицают его понятийную продуктивность, имея в виду существующую аналогию. Известно широкое употребление «бездушного» понятия «капитал» в таких связках, как: «культурный капитал» (П. Бурдьё), «капитал доверия» (Ю. Хабермас), «гуманитарный, символический, социальный капитал» (Х. Шрадер), которые используются в качестве метафоры. Проиллюстрируем приведенное заключение примером из сферы художественной

культуры. Столкновение различных интересов в экономическом пространстве художественной культуры подкрепляется инвестициями разных видов капитала, значимость которого придает ему властные функции. Власть того или иного капитала обменивается на достижение цели интереса. Нередко разрешающей инстанцией производства определенных художественных ценностей становятся не владельцы экономического капитала, имеющие легитимное право на тиражирование художественных произведений, или соответствующие социальные институты художественной культуры, а обладатели социального или культурного капитала. Социальный капитал — принадлежность социальной структуры и действий внутри нее. «Точнее говоря, личные связи и клиентура представляют собой социальный капитал» [Шрадер, 1999. С. 23]. Публикации произведения неизвестного литератора или поэта, записи альбома начинающего музыканта, созданию видеоклипа провинциальной талантливой певицы помогает покровительство известного писателя, музыканта, певца, то есть власть символического капитала, под которым понимается престиж, репутация, имя и т. п. [Бурдьё, 1993. С. 57]. Символический капитал не исключает культурного. История развития художественной культуры знает множество примеров, когда произведения будущих талантов (и даже гениев) были опубликованы, экспонированы, представлены социальному миру благодаря авторитету, имени больших мастеров.

Уместно отметить особенность дискурса в постнеклассической науке (В. Степин) и постнеклассической философии. Эту особенность мы видим в *метафоричности*, которую авторы используют как для постановки проблем, так и в качестве инструментария их исследования. Этот прием не нов. Он широко использовался античными мыслителями и в последующей историко-философской традиции доказал свою эвристическую значимость и эпистемологическую ценность. Постмодернистская философия, как никакая другая, говорит языком метафоры. Перефразируя Ж. Бодрийяра, можно сказать, что ее характеризует

«буйная поросль метафорики». Обильное использование последней — существенный показатель того внимания и принципиально нового отношения к языку, которые характеризуют современную неклассическую философию. В горизонте лингвистического поворота — «язык есть дом бытия» (М. Хайдеггер), а следовательно, постижение бытия возможно на «путеводной нити языка». Однако постмодернистская философия полагает, что язык сковывает и искажает мысль, вгоняя ее в прокрустово ложе правил и порядка оформления. Она пытается найти способы и средства выражения мысли до ее логического и грамматического оформления. В общем направлении поисков нового философского языка вписывается метафорическая образность как эвристическая и аргументативная сила языка. Это в полной мере относится и к науке. Как замечает Х. Ортега-и-Гассет: «Метафора — незаменимое орудие разума, форма научного мышления» [Ортега-и-Гассет, 1991. С. 203]. Ученый нередко прибегает к этой форме, когда, открывая новое явление, подыскивает ему название, выраженное в понятии, образованном путем сближения слов на основе их переносного значения. Допускаем предположение, что для образования словосочетания, обозначившего новый концепт, слово «капитал» использовано не совсем по прямому назначению, хотя и через посредство его обиходного смысла, в результате чего оно приобрело новый смысловой оттенок. Метафорическая образность как эвристическая и аргументативная сила языка «не только средство выражения, но и одно из основных орудий познания» [Ортега-и-Гассет, 1991. С. 206].

Анализ понятия «человеческий капитал» свидетельствует о его сложности и многосоставности, что стало импульсом экспликации различных его аспектов, обусловивших различие подходов в определении его сущности и содержания. Большинство теоретиков расширили рамки компетенций и условий, детерминирующих воспроизводство успешного экономического роста, что нашло воплощение в разветвленной структуре человеческого капитала, разработанного

Ф. Нойманом [Поздняков, 2012].

Экскурс в историю становления теории человеческого капитала показывает, что ее основоположники и последователи не претендовали на создание новой антропологии, целерациональность их новаторской деятельности была ориентирована на выявление и обоснование условий и средств, способных обеспечить прибыль и успех экономического развития. Представляется весьма конструктивной отправная идея дифференциации *целого* капитала на человеческий и нечеловеческий. По отношению к человеческому капиталу, в формировании его ключевая роль принадлежит гуманитарному знанию. Однако, настаивая на этом аргументе, оправдывающем плодотворную продуктивность исследуемого феномена, необходимо, на наш взгляд, сместить акцент в сторону не только гуманитарного знания, но и в сторону *гуманитаристики*, и обосновать ее в качестве *гуманитарного фундамента* человеческого капитала. Гуманитарное и экономическое знание выражают разные цели и обладают различным диапазоном. Смещение акцента в базовой парадигме человеческого капитала не означает умаления роли негуманитарного знания, оно лишь предупреждает о рисках, чреватых утратой полноты и целостности человека. Гуманитаристика позволяет высветить горизонт, выходящий за пределы всех ограничений, создающих препятствия для гармоничного развития универсального осуществляющего себя человека.

Следует заметить, что до недавнего времени в условиях доминирования технической рациональности даже в научном сообществе сохранялось скептическое отношение к гуманитарным наукам, явно или неявно отмечалась их якобы неравноценность естественным и техническим областям знаний. Но в настоящее время осознается масштаб гуманитарного поворота, совершенного софистами и Сократом, от космоса к человеку и ставшего импульсом понимания соразмерности гуманитарного и иного знания. Эпоха Возрождения укрепила это осознание, вычленив в статусе самостоятельных гуманитарные науки: грамматику, риторику, философию. Их изучение было на-

целено на новое понимание человека как сотворца бога. Достоинство человека виделось в его способности активно утверждать себя в мире и быть творцом своей индивидуальности, обосновывая тем самым «самоценность отличия» (Л. Баткин). Само же Возрождение было осмыслено как художественно-эстетическая эпоха благодаря признанию творческой власти искусства. Художественные интуиции, художественный опыт, теоретико-философское осмысление возрастающего масштаба гуманитарных феноменов провоцирует на адекватный социокультурный ответ – легитимацию «наук о духе». Как известно, В. Дильтей, предвосхитив революционизирующее, исключительно плодотворное значение гуманитарных наук, один из первых обосновал их предмет, методологию и существенное отличие от наук о природе (от естествознания). Легитимация «наук о духе» образовала эпистемологическое поле, центрированное проблематикой специфики гуманитарных наук, прояснением критериев их научности и ценности. Это проблемное поле трансформируется и усложняется вследствие различия подходов, теоретико-философских интерпретаций, включения в его размерность новых областей гуманитарного знания, что позволяет признать его полем гуманитаристики. Феномен гуманитаристики, являющийся одним из ключевых концептов в предложенном исследовании, фиксирует в качестве ядра гуманитарные науки, но не сводится только к ним, поскольку включает и вненаучное гуманитарное знание. Понятие гуманитаристики можно определить как знание о духовной сути человека, «его внутреннем мире, выраженном в материальных и идеальных культурных образованиях, наделенных человеческими значениями, ценностями, смыслами» [Афанасьев, 2013].

Конструктивное значение гуманитаристики коррелирует с оправданно обретающим широкое признание заявлением К. Леви-Стросса: «XXI век будет либо веком гуманитарных наук, либо его не будет вообще». Исключительно прозорливое и глубокое по смыслу выражение теоретика убеждает в возможности существования антропологической перспективы,

если ее критерием будет служить гуманитарность, которая «в целом утверждается в самоопределении через свое отношение к человеку» [Фролов, 1989. С. 42].

Гуманитарность задает человекомерный критерий самодетерминации всех субъектов, участников исторического процесса, обеспечивает свободу мысли, принятия решений и одновременно ответственности как за жизненный путь отдельного человека, так и за судьбу всего человечества.

Однако гуманитарности приходится защищать и отстаивать свои позиции в условиях новых реалий и тенденций динамично изменяющегося современного мира: инструментализации человеческой жизни, трансформации человека вследствие генных цифровых технологий, цифровизации всех сфер общества. Научные изыскания и прогнозы мирового сообщества ученых, а также реальные факты, безусловно, убеждают в невиданно плодотворном потенциале цифровизации, открывающей завораживающие перспективы будущего человечества, ошеломляющие возможности преобразования общества и человека. Но чем эффективнее мощь цифровизации, тем значительнее риски ее освобождающей и преобразующей силы. К числу наиболее существенных относятся: возможная дегуманизация общества, инструментализация человеческого существования, «расчеловечивание» человека, деформация его идентичности, распада ее на фрагменты и даже сведение к профайлу («цифровому человеку»), девальвация ныне существующих морали и этики, обеспечивавших прежде убеждение о наличии незыблемых морально-нравственных устоев человека и общества.

Благодаря генным цифровым технологиям евгеническое вмешательство в природу человека обещает ее улучшение, совершенствование, предотвращение смертельных заболеваний. Но одновременно евгеника рождает риск утраты человеком самотождественности, ответственного авторства истории своей жизни.

Следствием «хитрости» человеческого разума — новейших цифровых технологий — стал неоднозначно трактуемый и вызывающий широкий обществен-

ный резонанс проект трансгуманистов, реализовать который предполагается к середине XXI века. Согласно радикально ориентированным трансгуманистам, цель развития человека – неочеловечество. Следствием создания искусственного интеллекта, изменения телесной природы человека станет его бессмертие. Трансгуманистическая медицина, основанная на технологиях искусственных органов и систем, обещает перенос индивидуального сознания человека на небиологический субстрат – искусственное тело. Возникает вопрос: а где место совести, можно ли ее «оцифровать» и поместить на «тело» без органов? Данные обстоятельства не просто предупреждают, а взывают к необходимости обязательной человекомерности всех форм и способов, обеспечивающих человеческое бытие. Только будучи фундированными гуманитарностью они способны сохранить антропологическую перспективу, ориентированную на полноту и целостность человека.

В настоящее время – время нестабильного и противоречивого состояния общества – и экономические элиты в лице своих экспертов осознают роль и значение гуманитарной культуры в успешном развитии экономики. Обстоятельный и убеждающий анализ этой продуктивной рефлексивной позиции развернут стратегическим консультантом крупнейших компаний, в том числе Ford, Adidas, Chanel, Кристианом Мадсбьергом в работе, которая манифестирует и подтверждает ключевой смысл нашего исследования, «*Осмысление. Сила гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов*». Скрупулезно рассматривая обширный круг эмпирических фактов жизни и бизнеса, автор убедительно доказывает их успешность благодаря тому, что они имели опору на гуманитарное знание. Лидеры прорывных инноваций, мудрых политических и финансовых решений черпали эвристические идеи, находили оригинальные революционные выходы, надежные ориентиры нестандартного поведения в гуманитарной культуре. Именно она формирует критическое мышление, которое в мире, где правят алгоритмы, едва не была отправлена в

утиль. К. Мадсбьерг аргументативно настаивает, что ценность гуманитарных наук не подлежит сомнению, ибо интенсивная вовлеченность в знания, которые они дают, лежат в основе практики, называемой им *осмыслением*. Осмысление, противостоящее чарам «пения сирен», обещающих, что технологии спасут человечество, позволяет понизить их «до хорошо обученного помощника». Только человеку дано выяснить, что делать, когда благодаря технологиям цели постигнуты. Люди нужны «*для производства и интерпретации смысла*». Сфера гуманитарных наук идеальна в качестве учебной площадки для таких начинаний» [Мадсбьерг, 2018. С. 191].

Нельзя не видеть, что сегодня наша высшая школа не в полной мере соответствует обоснованным утверждениям К. Мадсбьерга: приходится констатировать истончение гуманитарного фундамента высшего образования. Платон — «великий Учитель человечества» (А. Лосев) утверждал, что в процессе усвоения индивидуумом знаний, умений и навыков происходит становление человеческой личности. Благодаря пайдеи (образованию) осуществляется «восхождение человека к самому себе», к полноте и универсальности своего бытия. Образованный человек, стремясь объединить в себе духовные достижения предшествующих поколений, тем самым становится хранителем единства и целостности всего человечества. Идея достоинства гуманитарного знания прочно укоренилась и в русской философии. Животворящая сила гуманитарного знания инициирует и движет различные явления, как духовные, так и материальные. Убедительно характеризует М. Мамардашвили непреходящее значение «того гуманитарного знания или гуманитарной искры ее какой-то производящей духовной клетки, которая *описывается* в понятиях философии и связана с духовным развитием личности» [Мамардашвили, 1990. С. 14]. Тревога авторитетного философа, вызванная фундаментальными просчетами в деле приобщения студентов к философскому знанию, не лишилась своей почвы и в настоящее время. Вследствие довлеющей образовательной прагматики

(изучение этой дисциплины на первом курсе, резкое сокращение часов на семинары) сжался хронотоп философских занятий, смысл которых в диалоге (полилоге) развивать и оттачивать критическое мышление, рефлексивную позицию. Эта цель, значимая и прежде, приобретает особую актуальность в настоящее время, которое востребует личность, способную адекватно, осмысленно и ответственно отвечать на вызовы усложняющегося современного мира. В достижении поставленной цели фундаментальное значение имеет *философия*, статус которой осмысливается в современном обществе как *образовательный и воспитательный институт, как образ жизни, как особый способ мышления* [Преподавая философию, 2016].

Незаместима роль искусства в формировании и упрочении гуманитарного фундамента человеческого капитала. Объяснительным аргументом может служить суждение эксперта в области экономики А. А. Аузана: «Чтобы быть конкурентноспособным в эпоху искусственного интеллекта, нам надо наращивать интеллект в тех направлениях, где искусственный интеллект не справляется – развивать правое полушарие, которое отвечает за эмоциональный интеллект» [Аузан, 2022]. Мощным стимулом развития правого полушария является вовлеченность человека в художественное творчество. Признание этого стимула было осмыслено в Древнем Китае, о чем свидетельствует «правополушарный экзамен». Знание философских учений, произведений художественной литературы, умение слагать стихи считалось необходимым для чиновников и включалось как обязательное условие сдачи экзамена на государственный чин. Эта экзаменационная система, складывавшаяся в период превращения конфуцианства уже со II века до н.э. в официальную идеологию, актуализирована в настоящее время и представляется не только как оправдавший себя способ развития интеллекта, но и как «спасение» от технократизма и экономического детерминизма.

Плодотворную силу искусства в развитии интеллектуальных способностей,

продуктивного воображения признавали и акцентировали и философы, и ученые, и художники. По Канту, результатом воздействия художественных произведений является игра познавательных сил, которая приводит человека к самопревышению [Кант, 1994]. Суждение А. Эйнштейна «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель» стало классическим, философско-теоретически отрефлексированным и удостоверенным духовным опытом человечества. При этом необходимо учитывать в силу концептуальной значимости эксплицируемой идеи, что человек *свободно* вверяет себя власти искусства, право которого обусловлено его сущностным содержанием. Гегель убедительно раскрыл причины доверия искусству: «Всеобщая потребность в искусстве проистекает из разумного стремления человека духовно осознать внутренний и внешний мир, представив его как предмет, в котором он узнает свое собственное «Я» [Гегель, 1968. С. 38]. Искусство генерирует смыслы, соизмеримые по масштабу с философскими, но воспринимаемые человеком особым образом, ибо оно «призвано раскрывать истину в чувственной форме» [Гегель, 1968. С. 38].

Универсальные возможности искусства, в том числе и дальневосточного, средствами только ему присущего уникального потенциала органично, ненавязчиво, без насилия, благодаря своей содержательной глубине и выразительной художественно-образной форме пробуждают «чувства добрые» (А. Пушкин). Как убедительно и полнозвучно заметила Людмила Миланич, дальневосточный поэт:

Слова вставали крепкими строками
И приносили доброе зерно
[Миланич, 2006, С. 139].

Прорастая, «доброе зерно» проявляло экзистенциалы, феноменально обнаруживавшие, чем является человек по сути. Человеческое бытие, отличное от бытия другого сущего, согласно экзистенциальной философии, невозможно определить категориально, его можно постигнуть посредством экзистенциалов. Экзистен-

циалы – такие формы жизни, признаком которых является неположенность, т. е. они не детерминированы внешней необходимостью, а проявляют специфически человеческое самоосуществление в мире. Л. Миланич утверждает экзистенциал любви во всем его многообразии. Своим проникновенным поэтическим словом, без ложного пафоса, она признается в любви к родному краю так, что «сжимает сердце» (К. Паустовский), возбуждает это чувство и в читателе:

...Не надо лишнего часа,
Прошу лишь: пока я здесь,
Как самого личного счастья —
Дай Родину разглядеть,
Чтоб на последней тропинке
Мне помнились до конца
Цветы ее и травинки,
Веснушки ее лица
[Миланич, 2006, С. 82].

Дальневосточный поэт Петр Комаров благодаря дару художественного таланта, сердечного уважения к своим предкам, безмерной любви к «краю суровому, краю родному» оживил героическую историю освоения Дальнего Востока в поэме «Серебряный кубок» [Комаров, 1977]. Художественное творение нашего земляка оказывает не только выверенное духовным опытом воздействие поэтического слова, но и силу глубины скрытого в нем философского смысла.

Сопряженность смыслов «Серебряного кубка», открывающаяся при попытке погружения в него до самого дна, все больше убеждает, что эта поэма как кладезь мудрости, из которого чем больше берешь, тем он глубже становится. Вдумчивый читатель — «поэта неведомый друг» (А. Ахматова) обнаруживает неизвестное прежде *диво дивное*. В глубине этого художественного творения нам видится и *исток дальневосточной мечты*. Ее маящим светом пронизаны сегодня проекты, программы перспективного развития Дальнего Востока, дискуссии, ведущиеся как на солидных международных форумах, так и в молодежных аудиториях, на различных дискуссионных площадках.

Выводы

Дальневосточная мечта — сделать

окраину России центром такого перспективного развития, в котором бы осуществлялась гармония материального и духовного, экономического и социального, личного и общественного. По мнению академика РАН П. Минакира, Хабаровскому краю и в целом Востоку России принадлежит роль «в формировании гипотетического полюса национального экономического развития» [Минакир, 2021]. Реализация этой амбициозной цели потребует генерировать конструктивные идеи, научные разработки, потенциал экспертной аналитики. Но совершенно очевидно, что осуществление этого грандиозного замысла возможно благодаря людям. Именно в представлении конкретного человека экономическая мощь не самоцель, а условие счастливой полнокровной жизни. Человек созидает и изменяет жизнь, и, изменяясь сам, становится подлинным историческим субъектом, несущим ответственность за свои деяния, свои мечты и их воплощение. Мечта «прорастает», если у нее будет не только благодатная почва, но и крепкие корни, дающие пышные всходы: «... если бы дуб не оставил корней — не вырос бы лес после бури» (П. Комаров).

Дальневосточная мечта уходит своими корнями в XVII в., когда русские люди двинулись «встреч солнцу» заселять и осваивать просторы Дальнего Востока. Конечно, первоначально ими руководили разные побуждения: одни шли за свободой, волей вольной, другие спасались от державного гнета, были среди них и просто искатели удачи. Но этот поток землепроходцев был крепок людьми «ко всякому труду и ратному делу способными». Дерзкая безудержная инициатива, честолюбивое усердие, личные притязания, жизнелюбивая сила упрочили предпринимательскую мотивацию и обернулись общественным благом: фундаментом экономического, социального развития Дальнего Востока, легитимно защищенными границами. Но, пожалуй, самое главное, что в этом очень сложном и трудном движении и обживании «земель изобильных», когда «многих застигла короткая смерть», и «многие спят безвременным сном в своей неуютной

постели» [Комаров, 1977] выкристаллизовывался особенный дальневосточный характер.

Думается, что мощь дальневосточного региона будет «прирастать» благодаря характеру его главного богатства – людей, уверенных в своей созидательной силе, крепкими узами связанных с дальневосточной землей, питающей их живительными соками, и не сомневающимися в том, что мечта станет реальностью:

Солнце Дальнего Востока
Я в крови своей ношу,
От рожденья, от истока

Здесьним воздухом дышу.
И, хотя не против странствий,
Но собою быть могу
Лишь среди этого пространства,
Лишь на этом берегу
[Миланич, 2006. С. 124].

Благодаря акцентированию реального значения парадигмы гуманитаристики, фундирующей человеческий капитал, стало возможным обновление его понимания посредством аннигиляции экономического редукционизма и утверждения ориентира на полноту и гармоничную целостность человеческого бытия.

Список источников:

1. Аузан А. А. Человеческие жизни или локдаун. URL: [https // daily. afisha.ru](https://daily.afisha.ru) (дата обращения 6.09.2022)
2. Афанасьев А. М. Гуманитаристика: научные притязания // Гуманитарные научные исследования. 2013. №5. URL: [http // humansnauka.ru/2013/05/3232](http://humansnauka.ru/2013/05/3232) (дата обращения 26.01.2019).
3. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio- Logos, 1993.
4. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Т. 1. М.: Наука, 1968.
5. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
6. Комаров П. С. Серебряный кубок // Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1977. С. 389–394.
7. Мадсбьерг К. Осмысление. Сила гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов / Науч. ред. Д. Романовский. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
8. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 14–26.
9. Миланич Л. И. Музыка нового дня. Хабаровск: Хабаровское отделение Союза писателей России, 2005.
10. Минакир П. А. «Формула счастья» для Дальнего Востока // Тихоокеанская звезда от 19.03.2021.
11. Мозговых А. В. Теория человеческого капитала Г. Беккера // Журнал прикладных исследований. 2018. №2. С. 27–30.
12. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 203–218.
13. Поздняков В. В. Сущность и содержание категории «человеческий капитал» // Фундаментальные исследования. 2012. № 11 (часть 3). С. 572–575.
14. Преподавая философию. Рефлексия : сборник научных статей. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016.
15. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1989.
16. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
17. Schultz T.W. Investment in Human Capital. The American Economic Review. Vol. 51, No. 1(Mar., 1961), pp. 1–17.

References:

1. Auzan A. A. Chelovecheskie zhizni ili lokdaun. [Human lives or lockdown.] Available at: [https // daily. afisha.ru](https://daily.afisha.ru) (Accessed 6.09.2022) (In Russ.)
2. Afanas'ev A. M. (2013) Humanities: scientific claims *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific research]. № 5. URL: [http // humansnauka.](http://humansnauka.ru)

ru/2013/05/3232 (Accessed 26.01.2019) (In Russ.)

3. Burd'ye P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Bourdieu P. Sociology of politics]. M.: Socio-Logos. (In Russ.)
4. Gegel' G. V. F. (1968) *Estetika*. [Aesthetics]. Vol. 1. M.: Nauka. (In Russ.)
5. Kant I. (1994) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of the power of judgment]. M.: Iskusstvo. (In Russ.)
6. Komarov P. S. (1977) *Serebryanyj kubok* [Silver goblet] *Stihotvoreniya i poemy* [Poems]. M.: Hudozhestvennaya literature: 389–394. (In Russ.)
7. Madsb'erg K. (2018) *Osmyslenie. Sila gumanitarnogo myshleniya v epohu algoritmov* [Making sense. The power of humanitarian thinking in the era of algorithms] / Scientific editor D. Romanovskij. M.: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
8. Mamardashvili M. K. (1990) *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. M.: Progress: 14–26. (In Russ.)
9. Milanich L. I. (2005) *Muzyka novogo dnya*. [Music of the new day]. Khabarovsk: The Khabarovsk department of the Writers Union of Russia. (In Russ.)
10. Minakir P. A. (2021) «Formula of Happiness» for the Far East *Tihookeanskaya zvezda* dated 19.03.2021. [Pacific star from 03/19/2021.] (In Russ.)
11. Mozgovyh A. V. (2018) G. Becker's theory of human capital *Zhurnal prikladnyh issledovanij* [Journal of Applied Research]. №2: 27–30. (In Russ.)
12. Ortega-i-Gasset H. (1991) Two main metaphors *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. M.: Iskusstvo: 203–218. (In Russ.)
13. Pozdnyakov V. V. (2012) The essence and content of the category “human capital” *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research]. No. 11 (Part 3): 572–575. (In Russ.)
14. *Prepodavaya filosofiyu. Refleksiya.*: sbornik nauchnykh statey [Teaching philosophy. Reflection.: collection of scientific articles]. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2016. (In Russ.)
15. Frolov I. T. (1989) *O cheloveke i gumanizme: Raboty raznyh let* [About man and humanism: Works of different years]. M.: Politizdat. (In Russ.)
16. Schrader H. (1999) *Economic Anthropology*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. (In Russ.)
17. Schultz T. W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. Vol. 51. No.1(Mar.): 1–17.

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 03.08.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 29.08.2022.

Информация об авторе

М. А. Маниковская – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры психологии Педагогического института Тихоокеанского государственного университета

Information about the author

M. A. Manikovskaya – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor, the psychology chair, the Pedagogical institute of the Pacific National University